

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Б. ОТРЕШКО

КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

На сегодняшний день в социогуманитарном познании наблюдается — во многом под влиянием философов постмодернизма и социологов-конструктивистов — изменение представлений о социальной реальности и субъектах, действующих в ней. Кроме того, можно сказать, что и сама социальная реальность становится все более динамичной. Это ставит перед исследователями задачи, которые уже не укладываются в привычные теоретические схемы описания и анализа процессов в устойчивых и равновесных социальных системах.

Современная социальная теория в данном случае должна выступить как критическая метатеория, выявляющая достоинства и недостатки уже существующих концептов и методологических принципов, и наметить путь перехода к новой парадигме в рамках социогуманитарного познания. Социальные и социологические теории неразрывно связаны с той социокультурной реальностью, в которой они создаются, и обусловлены контекстом исторической ситуации. Поэтому социология знания и социология социологии как направление, развивающееся в рамках социологии знания, будет иметь существенное значение для обоснования критики классических, неклассических и постнеклассических концепций социального мира.

Но, помимо критического анализа предыдущего опыта построения социальных теорий, авторы современного теоретического знания должны попытаться наметить методологические основы новой парадигмы, более пригодной для анализа процессов современной социальной реальности, чем уже раскритикованные постмодернизмом клас-

Отрешко Наталья Борисовна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой фундаментальных исследований социогуманитарного факультета Международного Соломонова университета (Киев, Украина). E-mail: otreshko71@mail.ru.

сические и неклассические версии. Этап критики был неизбежен, однако он уже исчерпал себя, поскольку современная ситуация требует более связной картины социальных процессов, имеющих место на разных уровнях — от макропроцессов мирового масштаба до микропроцессов повседневности.

В связи с этим одной из наиболее существенных задач современной социальной теории становится определение новой категориальной сетки понятий и описание новых методологических принципов работы с этими понятиями как на уровне теории, так и на уровне эмпирических исследований. На наш взгляд, социальная теория не должна стать очередной абстрактной теорией, которая дает умозрительное определение социальным процессам, вынося за скобки проблемы эмпирического анализа реальных фактов. Скорее, ее задача — обоснование понятий как рабочих концептов, которые возможно применять в качестве теоретико-методологической основы для сбора и анализа эмпирических данных. Благодаря этому в новой парадигме появится возможность преодоления разрыва между теоретической и эмпирической социологией.

В связи с формированием новых принципов социогуманитарного знания возникает необходимость переосмысления теоретических основ с тем, чтобы сформировать целостное видение современной социальной реальности. Это предполагает прежде всего смену основных теоретических метафор. Представление о социальной реальности как о реальности, состоящей из отдельных объектов как субстанциональных элементах единого целого, сменяется представлением о сети двусторонних взаимосвязей, о динамичном социальном поле, где субстанциональные элементы отсутствуют, а их место занимают социальные процессы, как правило, наделенные обратной связью. По аналогии с такой динамичной моделью социальной реальности строится и ее теоретическое видение — как взаимосвязанной сети понятий и моделей, в которой отсутствует раз и навсегда заданная онтологическая основа.

Объект исследования в этом случае каждый раз создается заново, в зависимости от поставленных в исследовании задач. Создание такой исследовательской модели прежде всего предполагает учет социокультурного контекста, фона, который во многом определяет специфику взаимосвязей внутри заданного объекта. Соответственно, речь идет не о создании универсальной модели социальных процессов, пригодной для любых сегментов социальной реальности. Скорее, данный исследовательский подход предполагает комплексный анализ локальных процессов с последующей попыткой описания по возможности большого спектра их взаимосвязей с другими, столь же специфично заданными процессами.

Для примера можно привести возможность анализа процессов глобализма/антиглобализма в вышеуказанной исследовательской рамке. Поскольку эти процессы диалектично взаимосвязаны, то целесообразно было бы рассматривать их как проявление сети взаимодействующих субъектов, выступающих сторонниками противоборствующих картин мира, наделенных разным смыслом в одном локальном социальном пространстве, например в пространстве России или Украины, или Беларуси. В этом случае на смену универсальной концепции глобализации или антиглобализации, основанных(ой) на общих абстракциях и часто необоснованных умозаключениях ее автора (ов), придет более детальный научный анализ реальных проблем взаимодействия субъектов, сориентированных на разный смысл действия, в рамках единого социального пространства с последующим выявлением латентных взаимосвязей этих локальных процессов с общемировыми тенденциями.

Прежде чем анализировать различные картины социального мира, предложенные в современной социальной теории, следует обозначить, что собственно составляет предмет социальной теории как метатеории, ее отличие от социальной философии и теоретической социологии.

В своей статье Р. Антонио¹ ссылается на определение специфики социальной теории Д. Ливайном, который считает, что «социальная теория представляет собой «метанаучное предприятие», которое вырастает из длительной обеспокоенности «проблемой модерна», ставит «вопросы, на которые надо искать ответ даже при всей ограниченности возможностей науки», и обеспечивает «светскую» и «диалогическую» альтернативу абсолютистским и трансцендентным нормативным взглядам»². По мнению Д. Ливайна, «социальная теория придает нормативным вопросам историчность, открывая их для социологически просвещенных общественных дебатов, воспитывающих плюралистическую, расколдованную демократическую культуру»³.

Ценность, утверждаемая социальной теорией, — сохранение в современных условиях поля рациональности дискурса. Это подразумевает сохранение возможности диалога, поиска новых подходов к решению проблем современного общества. Норма, которая предлагается авторами современной социальной теории, — это плюрализм мнений, диалог, в котором каждая точка зрения может быть услышана, если она была высказа-

¹ Антонио Р. После постмодернизма: реакционная клановость // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 4.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 33-34.

на аргументированно и имеет достаточные рациональные основания. Это не предполагает поиск единой универсальной истины. Это предполагает (означает), что, при всей разности подходов к основам современной рациональности, социальная теория создает некий язык понятий и концепций, в котором может найти место любая точка зрения на социальную реальность, если она имеет какое-либо научное обоснование.

Направленности на конструктивный диалог социальной теории противостоят дискурсы, которые Р. Антонио называет дискурсами «реакционной клановости». К таким дискурсам можно отнести современные формы неотрадиционализма — теории расового превосходства, национализма, идеи возрождения патриархальных традиций в условиях современного общества.

На первый взгляд, неотрадиционализм занимает оборонительную позицию по отношению к дискурсу глобализации, выполняет задачу сохранения национальных и культурных идентичностей, которым грозит растворение в глобальном мире. Но существенными недостатками приверженцев теорий неотрадиционализма является догматизм, непринятие иной, кроме их собственной, точки зрения, а также достаточно явная идеологическая ангажированность. Нельзя сказать, что социальные теоретики могут претендовать на абсолютную научную объективность, однако достаточно весомым преимуществом социальной теории есть сохранение пространства для диалога представителей различных научных подходов и парадигм и толерантное отношение к картинам социального мира, создающим разнообразие современного социогуманитарного знания.

Картины мира как способ познания реальности

В философской антропологии, помимо других характеристик, человек определяется как существо, стремящееся к упорядочению окружающего мира. Отсюда необходимость создания того, что в социологии называется социальным порядком как естественная(ой) необходимость(и) человеческой природы: поиск упорядоченной реальности в противовес окружающему хаосу, часто враждебному или, по крайней мере, безразличному к человеку с его жизненным инстинктом. Но при этом следует отметить следующий факт: нуждаясь в социальном порядке, человек всегда остается им недовольным, т.е. диалектика социальной жизни состоит в том, что она необходима и в то же время недостаточна для человека. Значение культуры, религии, философии, позднее — целого корпуса социо-гуманитарных наук состоит в том, чтобы компенсировать эту недостаточность, смягчить недовольство существующим положением вещей, представить несколько вариантов возможных альтернатив существующей социальной реальности.

«Человек постоянно действует в контексте наличествующих в культуре, исторически опосредованных форм «жизненного уклада», которые открываются ему как «объективно данные» будучи предзаданы культурой и тем самым исторически обусловлены, и которые он в то же время должен заново индивидуально приспособлять к себе и заполнять»⁴. Он может их также переистолковать, трансформировать и даже отвергнуть. «Это диаметрально противостояние — культурной предзаданности и все время обновляющегося индивидуального освоения, переосмысления или неприятия — создает динамику жизни индивидов и групп»⁵.

Потребность в системе ориентации в обыденном сознании реализуется в поиске сильного лидера, который расскажет, что есть правда, а что есть ложь, т.е. даст мировоззренческие ориентиры для людей. Однако Э. Фромм считает, что история человечества — это история все возрастающей степени осознания. Осознание означает освобождение людей от иллюзий, но любое освобождение от старых иллюзий означает приобретение новых. Основная задача, которую частично реализует социальной теория, состоит в том, «чтобы апология существующего общественного порядка не парализовала способность человека к критическому мышлению»⁶.

Познание окружающего мира человеком не происходит непосредственно, по принципу прямого отражения объектов внешнего мира в сознании субъекта. В качестве посредника в сознании познающего присутствует то, что принято на сегодняшний день в философии познания и социолингвистике называть картинами или образами мира. В основе этих образов лежат как идеи здравого смысла, так и научные идеи, ставшие частью установившихся представлений о мире. Но наиболее общую смысловую рамку в картинах мира создают базовые философские метафоры и допущения, ставшие истинами в определенных культурах. Они закладывают основы традиций общества и доминирующую норму мировоззрения, которая отделяет смысл от бессмыслицы, разум от безумия в повседневной жизни, а также в таких особых сферах познания, как наука, религия, философия.

Картины мира — система представлений о реальности, принятая в культуре определенного социально-исторического пространства. Картины мира формируются посредством языка как обыденного, так и научного, и создают основу для восприятия мира человеком как субъектом по-

⁴ Эксле О.Г. «Образ человека» у историков // Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья: Пер с нем. М., 2007. С. 307.

⁵ Там же.

⁶ Фромм Э. Революция надежды: Пер. с англ. М., 2006. С. 124.

знания. Мироззрение субъекта в социоисторическом пространстве конституируется заданным способом интерпретации реальности, которая представляется ему самоочевидной. Данный способ можно назвать картиной мира, доминирующей в групповом и массовом сознании в конкретном социокультурном пространстве.

В каждом социокультурном пространстве есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать интерпретацию мира, в том числе и социального, для всех групп, входящих в состав общества. В социологии знания К. Манхейма такие группы называются интеллигенцией. В данной статье вместо понятия «интеллигенция», в русском языке и культуре имеющего особую смысловую нагрузку, используются понятия «интеллектуалы» или «интеллектуальная элита».

Чем более статично общество, тем с большей степенью вероятности группы интеллектуалов могут приобрести особый сакральный статус и превратиться в закрытую касту, (что собой и представляла) каковой была, например, каста жрецов в Древнем Египте, Индии, а позднее в греческих городах-полисах. В средневековом западном христианстве такой закрытой группой была католическая Церковь.

Чем в большей степени слой интеллектуалов становится выразителем некоего строго организованного коллектива (например, церкви), тем сильнее он склоняется в своем мышлении к «схоластике». Первоначально «схоластика» или «метафизика» формируется как особый тип мышления, свойственный интеллектуалам, своеобразный вариант сакрального знания для избранных. Благодаря этому «схоластика» как монополистический тип мышления интеллектуалов обладает относительной отдаленностью от конфликтов повседневной жизни и вообще от реальности как таковой. Субъекты познания, обладающие «схоластическим» типом мышления, не ищут доказательства для фактов, а «удовлетворяют собственную потребность в систематизации, в силу которой все факты жизни соотносятся с традиционными данными и неконтролируемыми предпосылками»⁷. Задача такого способа познания — «придать догматически связывающую силу тем способам мышления, которые прежде были значимы только для определенной секты»⁸.

Такой догматической силой обладают базовые онтологические принципы. Они определяют глубинный смысл, заложенный в любой картине мира. Онтология описывает тот мир, который есть, определяя правила

⁷ Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени: Пер с нем. и англ. М., 1994. С. 16.

⁸ Там же. С. 15.

отделения сущности от формы. Например, смысл, заложенный классической западной онтологией, позволяет интегрировать в философии и психологии единицы поведения субъекта в единое связанное целое — и появляется идея о личности как наборе относительно постоянных характеристик. В классической социологии онтологическим статусом наделяется образ общества как системы взаимосвязанных элементов: социальных институтов, организаций, групп.

Базовые онтологические понятия представляют собой своего рода табу по отношению ко всем остальным источникам смысловых значений. С помощью таких понятий, как «человек», «Бог», «природа», «общество», в различных картинах мира, начиная с религиозных, упрощается и унифицируется реальность, исчезает многообразие форм жизни и бытия. Это упрощает возможность ориентации в мире и в социокультурном пространстве субъектам действия различных социальных групп, создает универсальный образ бытия для всего общества.

Фундаментальный вопрос любой онтологии: «Что принимать за реальное?» И второй вопрос, уточняющий первый: «Что принимать за значимое при описании этой реальности?»

То, что интеллектуальная элита в определенных религиозных, философских, научных картинах мира объявляет реальным, — на какое-то время обретает онтологию. Но при этом всегда остается открытым вопрос — а что же из объявленного существует на самом деле? Данный вопрос оказывается в социальном мире неизбежно связан с другим: «Кто и каким образом будет определять, что в мире реально существует, а что нет?». Этот вопрос неизбежно порождает борьбу между группами интеллектуалов за право производить истинное знание о мире — борьбу Церкви с язычниками и ересью, правящей элиты с разными формами оппозиции, в научном сообществе — борьбу между представителями различных научных школ и теоретических направлений.

Четыре модели социальной реальности в социальной теории К.С. Пигрова

Субъект—объектные отношения в рамках социальной реальности являются ключевыми для рассмотрения основных проблем современной социальной теории. Одна из гипотез социальной теории состоит в том, что представление о субъекте действия и субъекте познания в картине социального мира будет меняться в зависимости от того, каким образом определяется социальная реальность.

К.С. Пигров предлагает считать модели социальной реальности курсами в структуралистском и постструктуралистском их понимании.

Определим, какой аспект концепта дискурс имеется в виду в данной ситуации. Дискурс здесь следует понимать как «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального пространства условия выполнения функции высказывания»⁹. Отсюда можно сделать вывод, что выбор той или иной модели социальной реальности в исследовательской практике зависит от философской позиции аналитика, его социальных и культурных стереотипов восприятия окружающего мира, а также от его отношения к существующему социальному порядку, т.е. принятия его или отторжения.

Две модели – реалистическая и натуралистическая – являются субстанциалистскими в социальной теории К.С. Пигрова, поскольку «в них постулируется некая субстанция, выступающая конечной причиной всего, что происходит в социальной реальности»¹⁰. Для обеих моделей существенна идея социального детерминизма. Реалистическая модель объясняет социум из Абсолюта, Бога, а натуралистическая делает то же самое, исходя из природы. Две другие модели, отвергающие идею первичной субстанции реальности как изначальной устойчивости и закона и вместо нее вводящие понятия действия и события, – это деятельностная и феноменологические модели.

Реалистическая модель выражает аксиологический аспект социальной реальности. Здесь осуществляется абстрактное познание социума в свете наивысших метафизических идей. В этой модели ценности абсолютны, поскольку провозглашаются либо Богом, либо являются фундаментальными и неизменными принципами социальной жизни. Однако это не означает, что человек как субъект действия не имеет свободы в такой модели. Скорее, он обречен на выбор стратегии действия. Например, люди в концепции двух градусов Августина берут на себя инициативу и побуждены к действию, поскольку именно эта черта изначально заложена в них Богом.

Анализируя социальное бытие в реалистическом ключе, С.Л. Франк обнаруживает конституированность этого бытия на конкретном уровне человеческими действиями и оценками. Однако уровень практической реальности в реалистической модели является только отражением Абсолюта, несовершенным его подобием. Отсюда основная задача субъекта, предусмотренная данной моделью, – найти

⁹ *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепт как возможность постижения смысла // Теоретическая культурология. Энциклопедия. М.; Екатеринбург, 2005. С. 254.

¹⁰ *Пигров К.С.* Социальная философия: Учебник. СПб., 2005. С. 101.

высшее предназначение своей судьбы и выразить его поступками. Реалистическая модель является наиболее древней из всех существующих дискурсов социального знания, она связана с религиозной картиной мира и происходит от нее.

В натуралистической модели представлен естественнонаучный подход к изучению общества. В основе анализа социальной реальности в данной модели лежит природность, которая подчиняется естественным законам и тем самым принадлежит миру необходимости. Окружающая среда предстает в натуралистической модели как тотальное средство для выживания единого субъекта – общества, которое биоморфно и представляет собой «социальный организм». Системная модель социума, разработанная в рамках данного направления, объединила и обобщила совокупность идей, типичных для органицизма.

Согласно основной идее теории систем, комплексное целое состоит из множества элементов, которые объединены различными взаимосвязями и обособлены от того, что их окружает, какими-то границами. Подобное обобщение можно применить для анализа разных уровней общества. На макроуровне в качестве системы может рассматриваться «глобальное общество» (человечество), на среднем уровне (мезоуровень) — национальные государства, региональные политические или военные союзы, на микроуровне — локальные объединения, ассоциации, фирмы, семьи и т.д. Более того, подобными терминами могут быть обозначены и такие принципиально различные сферы, как экономика, политика, культура. Таким образом, представители школы теории систем, в частности Т. Парсонс, считали понятие «система» не только ключевым, но и универсальным. Субъект, действующий в социальном пространстве, в данной модели понимается как система ролей и статусов, т.е. устойчивая, упорядоченная социальная единица, границы импровизации которой обусловлены рамками систем и структур общества.

Одной из фундаментальных антитез натуралистической модели является антитеза социальной системы и субъекта действия. Система предстает как образ связанности, а субъект — как образ свободы движения и действия. Поэтому для того, чтобы действия субъекта не разрушали систему, необходим социальный контроль над волюнтаризмом личностных стратегий поведения.

По отношению к мотивам человеческих действий в рамках натуралистической модели все время происходит так называемая игра на снижение. Например, в рамках фрейдизма «неутомимый порыв к дальнейшему совершенствованию ... объясняется как следствие вытеснения первичных импульсов, на котором и построены наибольшие ценности чело-

веческой культуры»¹¹. Суть практически всех действий субъекта в рамках данной модели сводится к потребности выживания и с этой целью — достижения максимально возможной власти над окружающей средой и социумом. Наиболее существенным в рамках социальной реальности становится процесс социализации, понимаемый как процесс приспособления индивида в процессе обучения к основным нормативным стандартам поведения и правилам игры, принятым в обществе.

Субъект может занимать в социальной реальности натуралистической модели две полярные позиции: как субъект, наделенный властью и способный к манипуляции окружающим пространством в своих интересах, или как субъект действия, подчиненный существующему в социальной системе порядку и учитывающий реакцию на свое поведение со стороны ближайшего окружения (референтной группы). Следует отметить, что субъект власти и субъект, подчиненный порядку, — это одно и то же лицо, но в различных социальных ролях. Соотнесение власти и подчинения является определяющей дилеммой субъекта в рамках натуралистической системной модели.

В деятельностной модели получают дальнейшее развитие отдельные аспекты модели натурализма. В отличие от последней, с ее привязкой всех социальных процессов к биологической системе, в деятельностной модели выделяется новая реальность, принципиально отличающаяся от природной. Это социальная реальность, которая не существует субстанционально, а создается человеческой деятельностью. Социальная реальность в рамках данной модели предстает как действительность, где источник изменений является не трансцендентным, а имманентным ей, поскольку сами люди создают основы для изменения условий собственной жизни, социальной практики.

В рамках деятельностной модели фиксируется два момента реальности — активизм и конструктивизм. Момент активизма связан с тезисом о том, что только в действии обнаруживает себя реальное бытие, которое вне сферы деятельности существует только как потенциальная возможность, но не действительность. Конструктивизм же выражается в образе социальной реальности как реальности искусственной, создаваемой действиями, конструируемой сетью социальных взаимодействий.

В деятельностной модели социальная действительность перестает восприниматься как объективно субстанционально существующая. Признается, что даже если социальная реальность и существует независимо

¹¹ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Я и Оно: В 2 кн. Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 172.

от субъективной рефлексии о самой себе, то образ такой реальности не доступен исследователю. Единственный способ изучения социального мира — это создание образа реальности, ее модели, паттерна и проведение дальнейшего анализа той или иной проблемы на основании такой модели.

Центральной в системной натуралистической модели была идея соответствия между институционализацией ценностей и социализацией действующих лиц. В рамках деятельностной модели происходит разделение системы и субъекта действия, в какой-то степени противопоставление их друг другу. Система в данном контексте предстает как совокупность правил, которые действующее лицо должно скорее учиться использовать или обходить, чем уважать. Инструментализм действия заключается в навыке использования субъектом условий социальной реальности в свою пользу.

В наиболее последовательной форме образ субъекта действия как субъекта, творящего новую реальность, был представлен, на мой взгляд, в работах А. Кожева. «Любое действие, будучи отрицанием существующей данности, является дурным: грех. Но грех может быть прощен при помощи успеха. Успех оправдывает преступление, поскольку успех — это новая реальность, которая существует»¹².

Существование субъекта в деятельностной модели связано с преобразованием действительности либо с помощью действия, либо путем познания, формированием новый (ого) конструкта социального мира. Такое преобразование означает разрыв прежней реальности. Если в рамках натуралистической модели идентичность вещей сохраняется, ничто не претендует в ней на изменение установленного порядка, то в деятельностной модели субъект действия разрывает природное тождество вещей самим себе. Он устанавливает связи с ничто, стремятся выйти за пределы уже существующего и тем самым, разрушая, создает новые возможности. Так в социальной реальности проявляет себя диалектика разрыва бытия, когда через негативность, отрицание существующего порядка создается поле возможности для формирования нового порядка.

Именно благодаря идее конструктивизма, в рамках деятельностной модели поднимается вопрос о создании социальных технологий, которые помогают воссоздавать социальную реальность оптимальным образом, на научной основе, избегая ошибок рассудка повседневности. Критерием рациональности субъекта действия, который одновременно вы-

¹² Декомб В. Тождественное и иное // Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 21.

стует и как субъект власти, становится использование им результатов социологического или аналитического исследования сложившейся ситуации, которые могут быть представлены в виде многофакторной модели. Субъект действия, использующий такую модель, может сделать правильный выбор стратегии управления социальной ситуацией.

Подводя итог анализа основных характеристик деятельностной модели, следует сказать, что в ней происходит отказ от субстанционализма реалистической и натуралистических моделей, где социальная реальность является объективно существующей субстанцией, независимой от сознания исследователя. В рамках деятельностной модели существует представление о том, что социальная реальность конструируется субъектами действия и субъектами познания. Субъекты действия могут быть как индивидами, так и группами. Они оспаривают друг у друга историко-социальное пространство, отстаивая свои интересы. Для этого ими используются соответствующие картины социального мира, созданные субъектами познания. Таким образом, на место однородного субстанционального образа социальной реальности в деятельностной модели приходит образ сосуществования различных конструктов в рамках единого пространства и конкуренции друг с другом. Борьба за ресурсы и власть, а также борьба за легитимность и монополию определенной картины мира — это наиболее существенные характеристики социальной реальности в рамках деятельностной модели.

Обусловленность социума борьбой за власть и разделенностью его на линии стратегий социальных действий снимается в рамках четвертой, феноменологической модели. В ней нет никакого основания, заранее заданного, неизменного, всегда равного себе, которое бы определяло социум. Для феноменолога нет никакого «внешнего» мира, существование которого не зависит от процессов его исследования и интерпретации. «Нет никакого заранее конструированного поля объектов, лишь ожидающих объяснения»¹³.

Социальная реальность в данной модели не сводится ни к единому, ни к множественному. Она образует многомерные множества без субъекта и объекта. «Такое множество меняет свое направление при соответствующем изменении своей природы и самого себя»¹⁴. В отличие от классического образа структуры, которая определяется через совокупность точек и позиций, бинарных отношений между этими точками, социаль-

¹³ Пигров К.С. Социальная философия: Учебник. СПб., 2005. С. 150.

¹⁴ Тузова Т.М. Феноменология восприятия // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 858.

ная реальность в феноменологической модели состоит исключительно из линий: «линии членения, стратификации, но также и линии ускользания или детерриториализации подобно максимальному измерению, следуя по которому множество видоизменяется, преобразуя свою природу»¹⁵.

В феноменологической модели социальная реальность постоянно конструируется в процессах интерпретаций участников. Внутренняя структура реальности имеет смысловой характер, она сконструирована смыслами. Но это не значит, что она совершенно лишена того, что субстанционалисты называют объективностью, а феноменологи – фактичностью. «Социальный мир конструируется участниками деятельности intersубъективно, он экстернализируется как существующий вне их»¹⁶.

Вопрос об intersубъективности впервые ставится в феноменологии Э. Гуссерля. В его концепции реальность теряет свои устойчивые, универсальные характеристики и становится раздробленной на сегменты, поскольку каждый субъект, рефлексировав, выстраивает мир специфически. Этот мир не существует объективно, он сформирован опытом субъекта, его практикой познания. Поэтому одной из важных проблем взаимодействия субъектов в рамках социальной реальности становится проблема существования intersубъективности как совместного поля взаимосогласованных интерпретаций, где возможно понимание, по крайней мере, по ключевым вопросам и паттернам действия. Общность интерпретаций создает иллюзию постоянства социального пространства. Отсюда возникает иллюзия субстанциональной природы социальной реальности, на которую опираются идеалистическая, натуралистическая и деятельностные модели. «Но все субстанционалисты оставляют в тени то обстоятельство, что объективность социальной реальности есть воплощение приемов, используемых членами общества для его понимания, осмысления, познания»¹⁷.

Отказ от субстанционализма в феноменологической модели предполагает отказ от любой идеологии при формировании научной картины мира, поскольку идеолог всегда предполагает ту или иную модель социальной реальности субстанционального типа. «Субстанциональна сама идея социального порядка, идея общественного благоустроенности»¹⁸. С точки зрения феноменологии и постмодернизма, не годится само пред-

¹⁵ Тузова Т.М. Феноменология восприятия // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 859.

¹⁶ Пигров К.С. Социальная философия: Учебник. СПб., 2005. С. 157.

¹⁷ Там же. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 159.

положение, что социальный мир вообще поддается построению и устойчивому моделированию.

На место идеи упорядоченности и подчиненности законам приходит образ хаоса, из которого временно рождаются различные формы смысловых структур интерпретации, которые сосуществуют в едином социальном пространстве. Субъект действия теряет свое решающее значение в истории, поскольку оказывается зависим от субъекта познания, формирующего для него ту или иную модель социальной реальности и возможные стратегии управления данной моделью. Конфликт по поводу ресурсов власти становится конфликтом за монополию определения смысла социальной реальности, конфликтом различных интерпретаций данного смысла.

Выводы

Проведем параллель между субъектами власти разных эпох и теориями субъекта действия и познания в различных моделях социальной реальности. Власть, основанная на традиции, религии, может быть соотнесена с реалистической моделью. В ней социальная реальность вторична по отношению к реальности духовной, нематериальной, скрытой за чувственными проявлениями. Истина Бога постигается лишь посредством внутреннего опыта субъекта познания, приближения его Духа к откровению. Такая истина не подвергается сомнению, поскольку не существует рациональных критериев проверки сакрального знания. Субъект действия в рамках такой модели совершает выбор: подчиниться законам судьбы или уклониться от нее. В первом случае он соответствует своему предназначению и угоден Богу, во втором — вступает в противостояние с Божественной сущностью и неминуемо подвергается наказанию. Выбор судьбы — это выбор между добром и злом, между служением высшим ценностям и попыткой уклониться от этого. Реалистическая модель может быть использована как сторонниками, так и критиками существующего социального порядка. В первом случае служение Богу отождествляется со служением существующей власти во имя сохранения социального мира, во втором случае власть обвиняется в сатанизме и отпадении от Божьих идеалов и предлагается альтернативная социальная сила, способная выступать от лица Бога. И в том, и в другом случае существует большая вероятность фанатизма и неприятия никакой точки зрения на мир, кроме своей собственной. Очень поверхностное и даже неправильное представление о средневековой, по крайней мере европейской концепции власти!

Вторая модель — *натуралистическая* — формируется в социальном познании в эпоху Возрождения и Реформации, когда умозрительная куль-

тура сменяется, по П. Сорокину, культурой чувственной. В ней социальная реальность соответствует природе окружающего мира. Она материальна, доступна чувствам и изменчива. Служение высшим духовным ценностям уходит на задний план. В рамках чувственной культуры потребности и цели людей чисто чувственные (голод и жажда, секс, убежище, комфорт). Для удовлетворения этих целей используется внешнее окружение, социальная среда обитания. Отсюда вытекают два вывода: «истина может быть найдена лишь в чувственном опыте, и потому она имеет временный и относительный характер. Добро коренится в чувственных, эмпирических, материальных ценностях (удовольствие, наслаждение, счастье, полезность), и потому моральные принципы гибки, относительны и зависят от обстоятельств»¹⁹.

Такая картина мира соответствует мироощущению третьего сословья — бюргерства и мелкой буржуазии, формирующегося в Новое время в Европе и Америке. Они противопоставляют ценность благополучной повседневной жизни ценности чести и служения родовой аристократии. Ценность познания эмпирических фактов, имеющих реальную перспективу использования для бизнеса и политики, формирует образ субъекта познания как экспериментатора и исследователя объективной реальности, противостоящей его внутреннему миру. Субъект действия становится, с одной стороны, субъектом, подчиненным законам природного и социального мира, а, с другой стороны, по мере постижения этих законов, — манипулятором реальности, умеющим использовать ее в своих целях, приспособить для удовлетворения потребностей.

В рамках деятельностной модели субъект действия становится одновременно и субъектом власти. Отказ от образа социальной реальности как объективно существующей субстанции приводит к созданию образа социальных сетей, где изменчивость приобретает тотальный характер и субъекты, оспаривая друг у друга монополию на власть, формируют своими действиями временное состояние социального равновесия. Социальная реальность становится сетью социальных действий и взаимодействий, где баланс сил всегда временный и может быть в любой момент нарушен. Это, фактически, и есть образ рынка свободной конкуренции, сформированный в рамках классических политэкономических теорий и либерализма в конце XIX в. в Западной Европе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельностная модель соответствует картине мира субъектов власти в эпоху развивающегося

¹⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В.А. Ядова. М., 1996. С. 198.

индустриализма, классического западного капитализма, на смену которому в современном мире приходит постиндустриальное общество новых информационных технологий.

В данном обществе формируется принципиально другие исследовательские модели – модели постмодернизма или постнеклассики. В этой статье принципы постмодерного социального познания описываются на примере феноменологической модели, но следует сказать, что методологические основания постмодернизма шире рамок феноменологии. Субъект познания в постмодернизме вытесняет субъекта действия, подчиняет его, посредством создания смысла социальной реальности, иллюзии единственности этого смысла для всех субъектов, существующих в пространстве интерсубъективности жизненного мира. Субъект познания – класс интеллектуалов и профессионалов современного мира, новый средний класс в силу своей конкурентоспособности, ощутивший себя независимым от привычных ограничений социального пространства, – на сегодняшний день способен выбирать между двумя стратегиями: поддержания существующей власти и оппозиции ей, поскольку владение оперативной информацией и умелое ее использования является одним из основных ресурсов власти.